

него обычая Грамматин видит в этой фразе «поэтическое сравнение десяти перстов Бояна с десятью соколами, а струн со стадом лебедей».¹ Грамматин не давал своего объяснения вступления, хотя после его перевода шишковская точка зрения не могла уже существовать. Если рассказ о десяти соколах и лебедях — не описание обычая, а художественный образ, относящийся к Бояну, то подвиги Ярослава, Мстислава и Романа были тематикой бояновых песнопений. Теперь уже нельзя было относить жизнь Бояна к дохристианским временам, нельзя было говорить и о выдумках Бояна, так как тематикой его произведений были исторические факты. На это последнее обстоятельство первым обратил внимание Д. Дубенский² после того, как М. Максимович впервые в 1835, а потом в 1854 году повторил мысль Грамматина.³ Дубенский был противником новой точки зрения, он отстаивал старое прочтение места о соколах и лебедях и видел доказательство правильности своей точки зрения в том, что новая, указывая на историческое содержание песен Бояна, опровергала взгляд на его песни как на вымыслы. Дубенский правильно заметил противоречие, и, хотя в конце концов победила точка зрения Грамматина и Максимовича, вопрос, им поставленный, еще ждет своего разрешения: если известно, что Боян пел о Ярославе и других исторических личностях, то какие есть основания говорить о бояновых выдумках, «которым певец не хотел следовать»?⁴

Новое прочтение фразы «Помняшь бо речь...» разделял и А. С. Пушкин, видевший здесь «блестящую аллегорию». «Дело здесь идет о Бояне, — писал поэт; — все это — продолжение прежней мысли: «Помня предания о прежних бранях (усобица значит ополчение, брань, а не междуусобие...), напускал он и проч.»⁵ Пушкин первый обратил внимание на «противуречие» во вступлении, встречавшееся во всех известных ему переводах: «... по мнению переводчиков, поэт говорит: «Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же петь по былинам сего времени (то есть по-новому), а не по замыслению Боянову (т. е. не по-старому). Явное противуречие».⁶ Сам Пушкин пытается решить это противоречие, лишив частицу «ли» вопросительного (и вообще всякого) смысла, переводя первую фразу следующим образом: «Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна».

«Стихотворцы, — продолжает далее Пушкин, — никогда не любили упрска в подражании, и неизвестный творец „Слова о полку Игореве“ не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна».⁷ Справедливо указав на противоречие, Пушкин тоже не смог решить его.

Во-первых, нельзя не считаться с частицей «ли», которая вместе с частицей «не» в данном контексте образует широко распространенную в русском языке конструкцию, имеющую строго определенный смысл, о чем речь пойдет ниже.

¹ Н. Ф. Грамматин, *Слово о полку Игореве*, историческая поэма, писанная в начале XIII в. М., 1823, стр. 93.

² Д. Дубенский, *Отметки на некоторые места „Слова о полку Игореве“*, «Отечественные записки», т. 101, 1855. Критика, стр. 3.

³ М. Максимович, *Собрание сочинений*, т. III, 1880, статьи о «Слове о полку Игореве».

⁴ Д. Дубенский, *Ук. соч.*, стр. 3.

⁵ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*, в 10 томах, Изд. АН СССР, М. — Л., 1949, т. VII, стр. 506.

⁶ Там же, стр. 505.

⁷ Там же.